

UNITED WISDOM

Гуссерль: возвращение к тому, как дан опыт

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-19-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Гуссерль: возвращение к тому, как дан опыт

Представьте условную сцену: вы ждёте ответ на важное сообщение. Телефон лежит на столе. В другой вечер это был бы просто предмет, сейчас он почти превращается в центр комнаты. Свет экрана кажется обещанием, тишина — задержкой ответа, привычный звук — возможным началом разговора. Ничего необычного с самим телефоном могло не произойти. Изменилось то, как он присутствует в вашем опыте.

Что мы имеем в виду, говоря «я вижу телефон»? Вижу его поверхность, ожидаю сообщение, вспоминаю вчерашний разговор, боюсь определённого ответа? Эти действия могут переплетаться, но не являются одним и тем же. Возвращение к опыту начинается с возможности рассмотреть такое различие, прежде чем объяснять его причину или объявлять правильную реакцию.

О чём эта статья

Феноменология Эдмунда Гуссерля исследует способы данности: как предмет воспринимается, вспоминается, ожидается и имеет смысл для переживающего человека. Мы рассмотрим небольшой исторический каркас — интенциональность, естественную установку, эпохé, временную структуру и различие собственного опыта и опыта другого. Затем предложим собственные условные сцены и вопросы. Это философское описание, а не клиническая практика, нейронаучное исследование или обещание стать спокойнее. Наши примеры не приписываются Гуссерлю. Главное различение статьи: внимание к способу данности не отменяет мира и не делает всякую интерпретацию истинной; оно помогает увидеть, какое именно отношение к предмету уже участвует в утверждении «я знаю, что произошло».

1. Опыт всегда стоит рассмотреть конкретнее

Гуссерль описывает естественную установку как обычную жизнь в уже присутствующем мире, где мы воспринимаем, судим, чувствуем и желаем. Такой мир не начинается с философского доказательства перед каждым действием. Гуссерль, «Идеи I», §27, отрывок в переводе F. Kersten.

В нашей условной сцене человек не ищет сначала основания существования стола. Он ждёт сообщение. Предметы уже расположены относительно этого ожидания: телефон близко, другие дела будто временно отодвинуты, минуты имеют определённое значение.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Такое описание не устанавливает причин и не говорит, что ожидание патологично. Оно делает видимым устройство конкретного эпизода.

Можно начать с вопроса «что со мной не так?» и немедленно получить широкий ответ о личности. Можно спросить «как сейчас устроено ожидание?» и обнаружить более определённый предмет: звук, экран, предполагаемый ответ, возможность вернуться к другой работе. Второй вопрос не обязан заменить первый навсегда, но не даёт ему поглотить всю сцену сразу.

Описание важно своей неспешностью. Если мы назвали телефон «источником тревоги», уже предложено объяснение. Если сказали «всякий звук сейчас воспринимается как возможное сообщение», сначала названа особенность опыта. Объяснение может оказаться правильным; ему просто не требуется появляться раньше описания.

Представим другой вечер. Ответ уже получен, телефон снова используется для поиска адреса. Тот же предмет участвует в другом действии. Это не доказывает, что физический мир создан намерением. Это показывает, почему фраза «вижу один и тот же предмет» ещё не исчерпывает того, как он встречается человеку.

В нашем прочтении возвращение к опыту означает уменьшение поспешной общности. Вместо «я всегда так живу» — «сейчас я жду этот ответ таким образом». В дальнейшем можно сравнить эпизоды. Но сравнение будет опираться на описанные различия, а не на одно слово, которое сразу стало характеристикой всей жизни.

2. Интенциональность — не сила желания

Интенциональность обозначает направленность опыта на что-либо. Академический разбор различает то, на что направлен акт, и характер направленности: например, сомнение, надежду или утверждение; один предмет может быть дан разными способами. Dan Zahavi, «Edmund Husserl», §2.

Наш современный пример: мысль о завтрашней встрече может быть ожиданием, воспоминанием о похожей встрече, желанием согласия или попыткой определить время. Предмет кажется тем же — встреча. Но то, что мы делаем в опыте, различается. Называть всё это просто «мыслью» удобно, однако иногда слишком грубо для нашего вопроса.

Слово «намерение» в обычной речи способно ввести в заблуждение. Если человек боится отказа, это не означает, что он намеренно хочет отказа или притягивает его. Направленность на возможное событие не доказывает ни желания, ни способности вызвать событие. Мы сохраняем это различие, чтобы философский термин не превратился в обвинение за неприятные переживания.

Представим, что воображаемая встреча стала настолько подробной, что человек уже отвечает предполагаемому возражению собеседника. Такое воображение может быть полезной подготовкой. Но собеседник ещё не высказался. Ответ на воображаемое возражение и ответ на фактические слова — разные события. Если их смешать, реальный разговор окажется продолжением истории, которую второй участник не начинал.

Можно заметить и противоположное: человек представляет благоприятный исход и начинает считать согласие уже полученным. Предмет опять присутствует, но в режиме ожидания. Даже очень ясный образ не равен сообщению другого. Для решения необходимо сохранить статус образа.

Наш вопрос к такому эпизоду звучит не «зачем ты это придумал?», а «в каком режиме эта встреча сейчас дана?». Я её вспоминаю? Предвосхищаю? Описываю по полученному приглашению? Уже наблюдаю? Ответ помогает понять, какого рода проверка возможна.

Интенциональность не обязана быть осознанным проектом. Мы не предлагаем контролировать каждую направленность или объявлять её результатом свободного выбора. Достаточно иногда различить предмет и способ отношения к нему. Именно это различие позволяет не принимать ожидание за факт и не принимать страх за намерение.

3. Эпохé не требует уничтожить мир

В §31 «Идей I» Гуссерль описывает выключение привычного полагания из действующего употребления: убеждение не обязательно отвергается или меняется. Эпохé меняет способ рассмотрения, а не объявляет, что мира нет. Гуссерль, «Идеи I», §31, Kersten, pp.59–60.

Для нашего прочтения полезна условная сцена с чашкой. Обычно вы берёте её, чтобы пить. Теперь на минуту рассматриваете, как она дана: видимая сторона, тень, предполагаемая ручка за краем, знакомое назначение. Вы не обязаны перестать верить, что чашка существует. Изменился вопрос, на который направлено внимание.

Но такую минуту нельзя объявить выполненной полной трансцендентальной редукцией. Наш пример — маленькая иллюстрация изменения темы. Гуссерлевский философский проект значительно шире и требует своего аргумента. Повседневная пауза не выдаёт свидетельства, что читатель уже осуществил всю методологию.

В случае сообщения можно временно перестать использовать объяснение «это отказ» как окончательный итог и рассмотреть, как оно было прочитано. Какие слова восприняты? Где возникло ожидание? Какое продолжение фразы подразумевалось? Такой вопрос не утверждает, что отказа не было. Он позволяет не решать предмет заранее тем самым выводом, который мы собираемся исследовать.

Есть риск превратить паузу в дистанцирование от жизни: «Я всё наблюдаю, поэтому не участвую». Мы не предлагаем этого. Если человек обещал ответить, описание ожидания не отменяет обещания. Если сообщение требует решения, исследование данности не заменяет решение. Философская перемена вопроса имеет границу в конкретной задаче.

Другое возражение: можно ли действительно приостановить все предпосылки? В нашем современном упражнении такого требования нет. Мы можем заметить один принятый вывод и временно не пользоваться им как уже доказанным. Остальное остаётся рабочим фоном. Это скромное действие сохраняет возможность поправки без притязания на совершенно чистый взгляд.

Так эпохé не становится магической кнопкой удаления мира, убеждений или эмоций. Она помогает поставить вопрос о том, что прежде просто принималось. Наше применение ограничено именно этой возможностью изменения предмета внимания.

4. Видимая сторона и целый предмет

Обычный предмет дан не целиком со всех сторон одновременно; восприятие допускает дальнейшее подтверждение и пересмотр. Академический комментарий связывает данность с очевидностью, отличая её от простого чувства уверенности. Zahavi, §2, обсуждение fulfillment/evidence.

Наша чашка полезна именно своей обыденностью. Вы видите часть поверхности, но обращаетесь с целой чашкой. Если повернёте её, появится новая сторона. Если она окажется треснувшей, прежнее ожидание пригодности изменится. Мы не должны говорить, что сначала было только пятно, а потом воображение произвольно изготовило предмет. Предмет уже встречается как определённая вещь с возможностями дальнейшего опыта.

Этот пример показывает два разных вида неполноты. Я не вижу обратную сторону сейчас, но могу изменить положение. Я также могу иметь неверное ожидание о том, что там окажется. Первое не обязательно ошибка. Второе обнаруживается в новом опыте. Не всякое отсутствие полной данности делает знание бесполезным.

В условном разговоре мы тоже имеем часть: одну фразу, один жест, определённый момент. Но нельзя автоматически перенести предметную модель на внутренний мир человека, будто достаточно обойти его кругом и получить все мотивы. Аналогия помогает заметить неполноту, а не обещает её окончательно устранить.

Наш вопрос касается охвата: что именно дано и что добавлено ожиданием? «Я услышал короткий ответ» — одно. «Разговор завершён навсегда» — другое. Второе может

поддерживаться дополнительными словами и обстоятельствами. Но оно не получает опоры только из краткости ответа.

Есть и положительное притязание: «Он улыбнулся, значит, согласен». Улыбка действительно могла быть воспринята, но согласие требует своего предмета. Если обсуждалось обязательство, полезнее услышать определённый ответ, чем расширять одну сторону встречи до целого решения.

В нашем прочтении неполнота данности становится приглашением к уточнению. Она не должна ни обесценивать всё воспринятое, ни позволять заполнять пустое любым удобным смыслом. Читатель сохраняет встречу с предметом и возможность новой встречи, которая подтвердит, уточнит или изменит прежнее понимание.

Ещё одно различие можно рассмотреть на нашей современной сцене с адресом. Вы читаете сообщение: «Встречаемся у синей двери». Смысл вполне понятен, и вы можете пересказать указание. Однако дверь пока не дана так, как она будет дана, когда вы подойдёте к зданию. Понимать знак о предмете и встретить предмет — разные способы отношения к нему. Один способен направлять другой, но не заменяет его без остатка.

Предположим, у здания две синие двери. Теперь указание нуждается в уточнении. Это не значит, что сообщение было лишено всякого смысла. Оно успешно выделяло цвет и тип предмета, но оставляло открытым место. Новая встреча с обстановкой делает заметным, какая часть смысла уже выполняла свою работу и какая ещё не получила достаточной определённости. Мы предлагаем этот пример как собственное пояснение, а не как пересказ сцены из сочинения Гуссерля.

Есть и другая возможность. Дверь обнаружена, но закрыта. Восприятие подтверждает её местоположение, не подтверждая доступность входа. Если ранее вы без дополнительного основания включили в указание обещание «войти будет легко», это обещание не становится частью увиденной двери. Подтверждение всегда имеет предмет: что именно подтвердилось? Вид, адрес, пригодность для действия, согласие встретить вас? Все эти вопросы способны относиться к одной ситуации, сохраняя разные требования к ответу.

Поэтому феноменологическая внимательность в нашем прочтении не сводится к большей яркости впечатления. Можно очень отчётливо видеть дверь и всё ещё не знать, где состоится встреча. Можно получить короткое уточнение и достаточно понять путь, хотя новый предмет ещё не виден. Мы не устанавливаем общее превосходство зрительного опыта над словом. Мы различаем способы, которыми слово, ожидание и восприятие участвуют в данном знании. Такое различение сохраняет ценность каждого способа, не приписывая ему возможностей остальных.

5. Настоящее не является неподвижной точкой

Гуссерлевский анализ времени различает первичное впечатление, ретенцию только что прошедшего и протенцию ближайшего. Ретенция отличается от отдельного воспоминания о прошлом событии; протенция — от самостоятельного дальнего плана. Zahavi, §4, анализ временного опыта.

Для нашего современного примера возьмём короткую фразу. В конце предложения вы всё ещё понимаете его начало. Если бы каждый звук полностью исчезал из опыта при следующем, связная фраза не имела бы прежнего вида. При этом начало не звучит одновременно с последним словом. Оно имеет иной способ присутствия.

Теперь представим, что собеседник начинает фразу «я согласен, но...». До завершения уже возникает ожидание продолжения. Если дальше он говорит не то, что ожидалось, появляется возможность удивления. Этот условный пример не доказывает всю теорию времени; он помогает заметить, что «сейчас» разговора включает направленность к только что прозвучавшему и к следующему.

Это различие важно для нашей исходной сцены. Человек видит телефон сейчас, но этот настоящий момент не изолирован от отправленного сообщения и ожидаемого ответа. Описание ожидания невозможно свести к фотографии комнаты. На снимке предметы присутствуют, а структура переживаемой задержки остаётся невыраженной.

Можно представить два одинаковых по длительности отрезка. В одном вы слушаете собеседника, который заканчивает важный ответ; в другом ждёте, начнётся ли разговор вообще. Значение времени различается. Но это не означает, что часы перестали иметь общий предмет. Мы опять различаем измеряемую длительность и способ переживания последовательности.

Есть опасность прочесть эту тему как призыв «жить только в настоящем» и удалить прошлое с будущим. Наша иллюстрация как раз не поддерживает такого упрощения. Связность текущего опыта требует отношений к тому, что только что прошло, и к тому, что ожидается. Мы не обязаны одновременно строить далёкие планы, но и настоящее не появляется как полностью лишённая связей точка.

Внимание к временной структуре позволяет точнее описать трудность: я жду ответа, возвращаюсь к прошлой фразе, подготавливаю возражение или действительно слышу нынешнее продолжение. Иногда эти действия переплетены. Назвать их различие уже значит увидеть больше, чем слово «я здесь» способно показать само по себе.

6. Другой человек дан иначе, чем вещь

Академический разбор Гуссерля подчёркивает асимметрию собственного опыта и опыта другого: чужое переживание не дано нам в его первоначальном первом лице. Частичность доступа сохраняет именно другого, а не копию собственного сознания. Zahavi, §5, intersubjectivity.

Наш условный пример: вы видите, что человек замолчал после определённой фразы. Можно спросить, что произошло. Можно предложить версию. Но нельзя просто перенести собственный знакомый опыт молчания: «Если бы я так замолчал, я бы обиделся; значит, он обиделся». Это допустимая гипотеза, не прямое владение чужим переживанием.

Такое ограничение не делает понимание невозможным. Люди сообщают, отвечают, уточняют, совместно обращаются к предмету разговора. Ваш собеседник может сказать, что он задумался, не услышал или не хочет обсуждать тему. Его ответ добавляет сведения. Он не обязан совпадать с первой версией наблюдателя.

Важно сохранить и более трудную возможность: ответ не даёт полной ясности. Человек может выбрать короткую формулировку, затрудниться или отказаться. Мы не получаем автоматического права заполнить неизвестность. Иногда совместная задача требует согласовать действие, а не раскрыть всё внутреннее содержание.

В нашей интерпретации уважение к чужой данности проявляется в форме вопросов. «Вы сейчас не хотите продолжать?» позволяет человеку определить своё участие. «Вы скрываете обиду, я это вижу» уже предъявляет ответ как факт. Первая фраза тоже может оказаться неуместной; значение зависит от обстоятельств. Но различие притязаний остаётся.

Есть и обратная проблема: человек объявляет, что раз чужой опыт недоступен полностью, ни одно слово другого не имеет значения. Так частичность превращается в полное недоверие. Наше чтение этого не требует. Можно учитывать сообщения, замечать согласованность действия и сохранять определённые неизвестные. Полное владение не является условием всякого понимания.

Другой остаётся источником поправки к нашей картине. Его перспектива способна изменить общий предмет: то, что мы считали простой задержкой, для него оказалось трудностью доступа. Это не доказывает автоматически его правоту во всём. Это делает разговор более общим, потому что в нём присутствуют оба участника, а не только один наблюдатель и его версия.

7. Описание, объяснение и вмешательство

Рассмотреть опыт — ещё не определить его причину. Назвать причину — ещё не выбрать, что делать. Выбрать действие — ещё не проверить его результат. Это наши современные различения, которые помогают не использовать феноменологическое внимание как замену всему остальному.

Представим, что человек заметил: экран сейчас дан прежде всего как возможность получить одобрение. Это описание может быть точным для него. Оно не доказывает происхождение ожидания, не определяет личность и не требует выключить телефон. Следующее решение зависит от его задачи: дождаться важной информации, вернуться к работе, завершить ожидание или уточнить договорённость.

Можно возразить, что описание само меняет опыт. Как только мы начали внимательно смотреть на ожидание, оно уже не то, что минуту назад. В §77 «Идей I» Гуссерль рассматривает рефлексию и превращение ранее неприметного переживания в предмет внимания. Гуссерль, «Идеи I», §77, Kersten, pp.174–175. Наша заметка не решает всю проблему достоверности рефлексии, но не скрывает её.

Поэтому полезно сохранять время описания. «Когда я ждал, мне казалось...» и «сейчас, описывая ожидание, я вижу...» — не обязательно одинаковые свидетельства. Иногда различие существенно: новая информация уже изменила смысл прежнего сообщения. Мы можем восстановить рассказ, но не обязаны выдавать его за неизменный снимок исходной минуты.

Другая граница связана с обязательствами. Если человеку нужно отправить подтверждение, долгий анализ направленности может отвлечь от простого действия. Если нужно разобраться в опыте, быстрое предписание способно помешать пониманию. Подходящий ход определяется целью, а не престижем философского слова.

Наше применение также не объявляет внимание лечением. В статье нет проверки, что такое размышление уменьшает определённое состояние или подходит любому человеку. Читатель может найти различие полезным, нейтральным или утомительным. Ни один отклик не является экзаменом на способность к феноменологии.

Описание ценно, когда оно позволяет точнее увидеть предмет. Если вместо этого оно только умножает сложные названия, можно вернуться к простой фразе: что происходит для меня сейчас, что я предполагаю и чего ещё не встретил в опыте? Хороший вопрос не нуждается в постоянной демонстрации терминологической сложности.

8. Что это значит на практике

Если вы хотите попробовать ограниченное размышление, выберите небольшой эпизод: ожидание сообщения, взгляд на знакомый предмет, чтение короткой фразы. Не обязательно начинать с тяжёлой ситуации. Такое упражнение добровольно и не считается выполнением полной гуссерлевской методологии.

Сначала опишите, на что направлено внимание. Затем уточните способ: я воспринимаю, вспоминаю, ожидаю, воображаю, оцениваю? Возможно несколько ответов. Например: «Вижу экран и воображаю, что на нём появится отказ». Отдельная запись уже показывает, что видимый экран и предполагаемый отказ имеют разную данность.

После этого можно спросить, что действительно встретилось в опыте. Был ли получен текст? Какая фраза звучала? Что добавилось без сообщения другого? Не нужно отвергать добавленное только потому, что это ожидание. Оно может быть разумным. Нужно сохранить его статус, чтобы будущий ответ мог изменить картину.

Следующий вопрос — где находится предел. У предмета есть невидимая сторона, у сообщения — непрояснённый смысл, у другого — собственный опыт. Эти виды неполноты различаются. Предмет можно повернуть. Смысл иногда можно уточнить. Чужое переживание не становится нашим даже после хорошего разговора.

Если размышление относится к совместной ситуации, допустим небольшой вопрос с правом поправки: «Я понял это как отказ; верно ли?» Если ответ недоступен, можно оставить неизвестность и решить, какое действие соответствует фактически полученным сведениям. Не требуется предварительно объяснить весь внутренний мир собеседника.

Полезно завершить запись без большого вывода о личности. «Я обнаружил, что уже отвечал на воображаемое возражение» — достаточно определённый результат. Дальше можно вернуться к фактическому сообщению или дождаться ответа. Это малое различие, а не объявленная окончательная трансформация.

Если внимание к опыту усиливает путаницу, его можно прекратить. Иногда удобнее просто уточнить предмет разговора или выполнить необходимое действие. Философская практика не должна становиться новым требованием, которому приходится соответствовать прежде, чем получить право жить обычной жизнью.

9. Возвращение к миру с более точным вопросом

В начале телефон будто занял центр комнаты. После размышления он не обязан немедленно вернуться на обычное место. Ожидание может продолжаться. Изменилось другое: человек различил экран, возможный ответ и собственное предвосхищение. Это позволяет не считать каждую часть опыта одним доказанным событием.

Если приходит сообщение, возникает новая данность. Оно может подтвердить ожидание, изменить его или поставить другой вопрос. Если сообщения нет, остаётся факт отсутствия ответа в определённое время и всё ещё не установленный мотив. Читатель вправе принять решение, не устраняя эту разницу.

Феноменологическая тема не обязывает отвернуться от внешнего мира ради внутреннего спектакля. Её вопрос обращён к тому, как мир встречается и имеет смысл. В нашей современной интерпретации это помогает вернуть ситуации подробности, которые исчезли за ранним общим объяснением.

Однако мы не объявляем философию Гуссерля простым вниманием. Его система включает более широкий трансцендентальный проект, а его сложные положения остаются предметом спора. Здесь рассмотрены определённые различия на основании прочитанных фрагментов и академического комментария. Практическая иллюстрация не равняется доказательству системы.

Для повседневного читателя остаётся вопрос, который можно взять с собой без обязательного ритуала: что именно дано мне сейчас и каким способом? Он не обещает сразу установить истину, но позволяет заметить, когда воспоминание выдают за нынешнее наблюдение, ожидание — за факт, а понимание другого — за полное владение его опытом.

Иногда возвращение к опыту делает ответ меньше и точнее. Не «я понял всё», а «я увидел один переход». Не окончательная формула человека, а возможность услышать его поправку. Не чистый мир без условий, а более внимательная встреча с тем, что действительно присутствует, и с тем, что пока только ожидается.

Источники

1. Edmund Husserl. *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book*, перевод F. Kersten, 1983: §§27,31,77. Учебные выдержки University College London. Прочитаны отрывки, а не весь том.

2. Dan Zahavi. *Edmund Husserl*, §§2–5: интенциональность, редукция, временной опыт, интерсубъективность. Stanford Encyclopedia of Philosophy, текущая редакция 2025.